тором за последние 60 лет и не смели мечтать, особенно те, кто был рождён после войны: полные стыда, сомневающиеся в самих себе, навсегда излеченные от любых военных и националистических восторгов, немцы на чемпионате мира по футболу в собственной стране снова разворачивают свой флаг.

В газетах доминирует только одна тема для дебатов: может ли Германия себе это позволить? Может ли Германия снова гордиться собой, чувствовать себя свободной и занять равное место за столом наций? Преодолён ли разлом цивилизации? А послание этого разлома, обращённое ко всем: «Пусть никогда больше не повторится “Аушвиц”, пусть никогда больше не будет войны на уничтожение» – достаточно ли глубоко вросло оно в национальное самосознание немецкого народа, насколько их действия окажутся разумными и оправданными в масштабе мировой политики? Сегодня мы, немцы, с этими сомнениями стоим в центре европейского сообщества перед Россией, которая лучше всех знает самые страшные страницы нашего прошлого и которая глубже всех выстрадала их.

Глубоко убеждена, что именно сила воспоминаний, к сожалению, ссорит наши страны. Об этом говорит историк Т. Снайдер, по которому культура памяти в Европе характеризуется «конкурирующими воспоминаниями» и «отсутствием международной коллективной памяти» [2, с. 379]. Но я надеюсь, что трагические столкновения, которые возникали между нашими странами в последнее столетие, можно разрешить, как говорит А. Ассманн, когда наша память станет диалогичной [1, с. 29–34]: когда все голоса, все рассказы с той и другой стороны будут взаимно услышаны и признаны. Голоса тех, кто гордится своей победой, голоса тех, кто страдает от позора своего поражения, и прежде всего – молчание тех, кто просто стыдится случившегося. Тогда мы вместе сможем извлечь уроки из нашей истории.

Список литературы

1. Assmann, Aleida: Auf dem Weg zu einer europäischen Gedächtniskultur? Wiener Vorlesungen im Rathaus, т. 161. Wien: Picus Verlag GmbH, 2012.

2. Snyder, Timothy: *Europa zwischen* Hitler und Stalin. *Bloodlands*. Перевод из английского языка. C. H. Beck Verlag, München, 2011.

3. Volkan, Vamik D.: Das Versagen der Diplomatie: Zur Psychoanalyse nationaler, ethnischer und religiöser Konflikte. Перевод из английского языка. Psychosozial-Verlag, Gießen, 2000.

4. Wehler, Hans-Ulrich: Deutsche Gesellschaftsgeschichte, т. 4: Vom Beginn des Ersten Weltkriegs bis zur Gründung der beiden deutschen Staaten 1914–1949. C.H. Beck, München, 2003.

5. Wehler, Hans-Ulrich: Deutsche Gesellschaftsgeschichte, т. 5: Bundesrepublik und DDR 1949–1990. C.H. Beck, München, 2008.

The defeated nation. Pride, disgrace and shame in the national self-consciousness of the Germans

There is considered the history of the German nation during the last century based on the theory by a psychologist V.D. Volkan who considers pride connected with the victory and disgrace and shame connected with defeats as the determining factors of nation's self-consciousness. The author considers that it's the sense of shame that helped the German army to overcome the "break of civilization" that happened in the years of the Second World War, and return to the circle of culture nations.

Key words: *Germany, national self-consciousness, national sense, break of civilization, culture of memory, history and psychology.*

В.А. СОМОВ
(Нижний Новгород)

ВЫСТУПЛЕНИЯ И.В. СТАЛИНА И МОТИВАЦИЯ ТРУДА В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Рассматривается воздействие выступлений И.В. Сталина в начальный период Великой Отечественной войны на общий настрой трудящихся, трудовую мотивацию и отношение к войне.

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, мотивация труда, И.В. Сталин.*

В далеком теперь 1994 г. Ю.А. Поляков сформулировал вопрос, который до сего дня не имеет однозначного ответа: «Была ли победа достигнута благодаря Сталину или же, напротив, вопреки ему?» [19, с. 74]. Этот историографический факт породил (или возродил?) дискуссию о роли Верховного главнокомандующего в ходе войны. В нашей статье не ста-

© Сомов В.А., 2015

вится задача анализа историографии данной проблемы, ставшей сегодня неожиданно актуальной. Тем не менее необходимо обратить внимание на наиболее существенные замечания исследователей по этому поводу.

Так, А.С. Ахиезер писал: «Время правления Сталина в большей степени, чем любой другой этап советской истории, кажется чем-то фантастическим. В истории не было ничего подобного. Знакомство с массовыми социальными процессами на этом этапе ломает представление о мотивах людей даже с точки зрения элементарного самосохранения и здравого смысла» [1, с. 480].

Дискуссия о ведущих мотивах поведения (как самого Сталина, так и советского народа) неизменно рассматривалась в контексте выяснения взаимоотношений власти и общества и их совокупного вклада в достижение Победы. Одну из историографических тенденций можно проиллюстрировать точкой зрения А.Н. и Л.А. Мерцаловых, которые утверждали: «Примерно последние 30 лет своей жизни он (Сталин. – *В.С.*) последовательно проводил курс на захват и упрочение личной власти, ни во что не ставя интересы советского народа и мирового сообщества» [13, с. 67]. Ю.А. Киршин дополнял: «Сталин обращался к народу для того, чтобы добиться своих целей, которых нельзя было достигнуть только принуждением и насилием» [10, с. 98]. Считая Сталина честолюбцем, главную его цель автор видит в достижении им «вершины всех почестей» [Там же, с. 99].

Такая точка зрения нередко вызывает серьезное оппонирование со стороны участников войны, что не должно игнорироваться учеными. Например, в докладе на проходившей в Москве Международной конференции, посвященной 60-летию Победы, генерал-лейтенант В.В. Серебрянников довольно резко заметил: «Я хочу сказать, что наука очень и очень прислуживает сегодня, отвечает на потребности и заказы нынешних властителей, способствует интересам Запада» [17, с. 29]. Эти замечания по отношению к представителям исторической науки нельзя назвать абсолютно безосновательными. Л.В. Шекунова отмечает: «Таким образом, выясняется, что никто никогда по-настоящему не был заинтересован в выяснении истинного облика И.В. Сталина. Отсюда – многочисленные мифы и искажения, несовпадение фактов и их оценок» [25, с. 174]. Тем ценнее в научном отношении представляются работы историков, лишенные того или иного конъюнктурного влияния.

Так, емкую и сдержанную оценку влияния образа И.В. Сталина на сознание народа дает В.В. Черепанов. Он пишет, что в самый напряженный момент войны, в октябре 1941 г., Сталин «старался показываться населению Москвы и демонстрировать свою *уверенность в победе*» (здесь и далее курсив мой. – *В.С.*). Он регулярно появлялся на улицах, проверял посты и т.д. Это, по мнению автора, производило на народ и бойцов огромное впечатление [24, с. 61].

Такое поведение лидера может считаться вполне НОРМАЛЬНЫМ с точки зрения того «духа боевитости, готовности к ратным и трудовым подвигам, предрасположенности к массовому героизму и самопожертвованию», который, по мнению В.Н. Земскова, «царил в СССР». При этом автор называет такое настроение «визитной карточкой молодой советской цивилизации» [8, с. 113]. Необходимо понять, что *иное* поведение лидера государства даже не подразумевалось.

Учитывая степень влияния И.В. Сталина на мобилизацию страны, а также уровень и качество коммуникации в системе «власть – общество», важным представляется изучение такого источника, как его выступления и речи. В.В. Смолененкова отмечает: «Военные речи Сталина, их роль в формировании патриотического духа нации и, как следствие этого, в победе в Великой Отечественной войне никогда не были исследованы в должной мере» [20]. Тем не менее в последнее время в этом направлении проделана значительная работа. Достаточно назвать монографию В.А. Невежина [18] и другие его исследования. В данной же статье автору хотелось бы обратить внимание на такой аспект этих выступлений, как их влияние на мотивационную сферу трудовой деятельности, особенно ярко проявившееся в период 1941–1943 гг.

Можно согласиться с мнением исследователей воздействия языка на массовое сознание в советском обществе О.А. Мусориной, Е.Ю. Алешиной и Е.В. Кочетовой, которые считают: «Лапидарность сталинских высказываний находилась в общем русле его стиля. Эти цитаты легко запоминались, отвечая, по сути, требованиям современных технологий воздействия на массовое сознание» [16, с. 204]. Содержание и форма высказываний И.В. Сталина говорят о том, что он и сам был неплохим психологом [25, с. 177], был знаком с литературой по психологии [18, с. 114], что увеличивало силу воздействия его выступлений.

Характерной чертой публичных выступлений советских лидеров было понимание того, что общество, в принципе, психологически готово к тем или иным заявлениям власти. Поэтому призыв и убеждение как средства мотивации труда воспринимались как нечто само собой разумеющееся, по крайней мере, не вызывали ни удивления, ни особого возмущения. А.А. Зиновьев писал: «...состояние убежденности и дело убеждения суть отношения между людьми. Хорошо убеждать того, кто хочет быть убежденным в том, в чем его убеждают» [9, с. 44]. Вероятно, именно поэтому выступление 22 июня 1941 г. возымело должный эффект и было почти однозначно принято массовым сознанием, стало сильнейшим мотивом усиления трудоотдачи, даже несмотря на то, что оно было произнесено не И.В. Сталиным. А заключительные слова «Наше дело правое! Враг будет разбит! Победа будет за нами!» вообще стали стимулом активной деятельности, своего рода заклинанием, способом внушения себе уверенности в успехе. С другой стороны, выступления лидера государства доводились практически до каждого гражданина: неоднократные повторы по радио, «громкие читки» агитаторов во время обеденных перерывов на предприятиях, регулярное изучение «речей товарища Сталина» не оставляли, по сути, никого, кто бы не был знаком с их содержанием.

Выступление И.В. Сталина 3 июля 1941 г. стало своеобразной программой действий, одновременно имело эффект психологического воздействия на массовое сознание. А. Верт писал: «Авторитет Сталина не вызывал никаких сомнений, особенно после его речи по радио 3 июля. Все верили, что он знает, что делает» [2, с. 117–118].

В начале обращения И.В. Сталин «успокаивает» слушателей: «...несмотря на то, что лучшие дивизии врага и лучшие части его авиации уже разбиты и нашли себе могилу на полях сражений, враг продолжает лезть вперед, бросая на фронт новые силы… Над нашей родиной нависла серьезная опасность» [21, с. 7]. Здесь Сталин, безусловно, выдает желаемое за действительное. Кому, как не ему было знать, что лучшие дивизии врага еще не понесли значительных потерь. Но такая, пусть не соответствующая действительности, информация была *необходима* в данный критический момент. И только после нее Сталин делает уже вполне адекватное ситуации заявление о степени опасности, нависшей над страной. Продолжая выступление в том же ключе, он в свойственной ему манере задает вопросы обобщенному собеседнику: «Неужели немецко-фашистские войска, в самом деле, являются непобедимыми войсками, как об этом трубят неустанно фашистские хвастливые пропагандисты?» и, апеллируя к истории, отвечает: «Конечно, нет!» [Там же, с. 8].

В такой же форме Сталин пытается снять у народа все вопросы о правильности действий своих и правительства относительно предвоенных отношений с Германией. Как известно, он признает наличие таких ошибок только по окончании войны, произнося знаменитый тост «За русский народ», когда опасность минует. Теперь же такое признание могло повлечь за собой не только сомнение в правильности действий власти, но и серьезный демотивирующий эффект: «Не была ли здесь допущена ошибка со стороны Советского Правительства? Конечно, нет!» [Там же, с. 9].

Признав наличие серьезной («смертельной») опасности для государства, И.В. Сталин далее предлагает четкую и понятную программу действий с целью ликвидации этой опасности. За немногими исключениями эта программа станет основой целеполагания всего общества на период войны: «Что требуется для того, чтобы ликвидировать опасность, нависшую над нашей Родиной, и какие меры нужно принять для того, чтобы разгромить врага?

Прежде всего необходимо, чтобы наши люди, советские люди поняли всю глубину опасности, которая угрожает нашей стране, и отрешились от благодушия, от беспечности, от *настроений мирного строительства*, вполне понятных в довоенное время, но пагубных в настоящее время, когда война коренным образом изменила положение… Нужно, чтобы советские люди поняли это и перестали быть беззаботными, чтобы они мобилизовали себя и перестроили всю свою работу на новый, военный лад, не знающий пощады врагу» [Там же, с. 11]. Характерно, что в данном программном заявлении на первом месте среди методов усиления мотивации сопротивления стоит *призыв*, обращение к *сознательности* трудящихся, а также активно используется актуализация потребности в безопасности в качестве основного мотивационного фактора.

Далее руководитель государства обозначает контуры негативных и позитивных психических характеристик, которые, по его мнению, будут способствовать или мешать организации обороны. Причем не только обозначает их, но и в контексте сказанного ранее жестко ориентирует граждан на позитивные качества. Одновременно – задает параметры си-

стемы политического контроля: «Необходимо, далее, чтобы в наших рядах не было места *нытикам и трусам, паникерам и дезертирам*… основными качествами советских людей должны быть *храбрость, отвага, незнание страха в борьбе, готовность биться* вместе с народом против врагов нашей родины… Мы должны организовать беспощадную борьбу со всякими дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникерами, распространителями слухов, уничтожать шпионов, диверсантов… Нужно учитывать все это и не поддаваться на провокации. Нужно немедленно предавать суду Военного Трибунала всех тех, кто своим паникерством и трусостью мешает делу обороны, невзирая на лица» [21, с. 11–13].

Власть откровенно связывала увеличение государственной эксплуатации трудящихся с необходимостью всеобщего выживания и победы в войне, хотя об этом и не было сказано напрямую. Слова о жертвах, на которые должен пойти рабочий класс, предполагали некоторые «доверительные» отношения власти и общества. Как отмечает В.В. Смолененкова, «перед Сталиным стояла риторическая задача сплотить народы СССР, поднять освободительный дух и воодушевить их на победу» [20].

Речь И.В. Сталина 3 июля 1941 г. стала для преобладающей массы трудящегося населения долгожданным и ожидаемым выражением, актуализацией тех эмоций, поведенческих императивов, которые они связывали с именем Сталина в предвоенные годы. Именно так и *должен* был выступить лидер государства в трудное для всех граждан время. Местные органы ВКП (б) прямо указывали на необходимость активизировать разъяснение его речи населению. Секретарь Горьковского обкома ВКП (б) М.И. Родионов в тот же день направил секретарям горкомов и райкомов партии телеграмму: «В связи с выступлением по радио нашего вождя и учителя тов. Сталина Иосифа Виссарионовича обком ВКП (б) предлагает провести митинги, собрания рабочих, колхозников, интеллигенции. Призывайте всех трудящихся свято и непоколебимо выполнять указания тов. Сталина» [7, с. 496].

Практически повсеместно большинство населения конструктивно ответило на выступление И.В. Сталина 3 июля 1941 г. Это отмечается как по официальным данным, так и по источникам личного происхождения. Судя по справкам Горьковского обкома ВКП (б) о патриотическом подъеме трудящихся за период 24 июня – 23 июля 1941 г., одним из факторов, способствовавших интенсификации труда, было именно это выступление. «Велик гнев трудящихся против фашистских варваров, осмелившихся напасть на нашу родную землю. Как никогда едина мощь советского народа, его сплоченность вокруг партии Ленина – Сталина. Особенный подъем намечается в связи с выступлением по радио тов. Сталина» [Там же, с. 277]. В Куйбышевском районе труженики завода им. Ульянова объявили себя мобилизованными, обязались «свято и непоколебимо выполнять указания тов. Сталина. Не уходить с рабочих участков, не выполнив суточного или дневного задания» [Там же]. В Краснооктябрьском районе колхозники ответили на выступление лидера государства массовым выходом на полевые работы. Аналогичная реакция была отмечена и в других районах [Там же, с. 277–282].

Общий психологический настрой трудящихся в самом начале войны можно проиллюстрировать словами из письма парткома Горьковского автозавода о трудовом подъеме на заводе: «Когда озверелые банды фашизма напали на нашу страну, и Великий Сталин призвал народ к оружию, к *упорному труду*, коллектив нашего завода, как и вся страна, показал и каждый день показывает образцы самоотверженного труда» [23].

А вот как отреагировала на выступление 3 июля работница комбината «Искра» г. Кирова стахановка Шевелева: «Хочется наизусть выучить золотые, исторические слова тов. Сталина. Ведь *речь вождя – это боевой приказ* каждому гражданину страны социализма, от выполнения которого зависит победа над кровавым фашизмом» [5].

Члены артели «Красный пресс» г. Кирова в день выступления приняли резолюцию: «Мы берем на себя обязательство ежедневно выполнять производственную программу, твердо помня, что каждый выпущенный предмет сверх плана – это удар по бандиту Гитлеру» [Там же, л. 70].

В докладных записках, отчетах, политинформациях с мест о реакции населения на выступление 3 июля 1941 г. в массовом количестве отмечаются позитивное воздействие на состояние трудовой дисциплины населения, конструктивный характер трудовой мотивации. В Ромодановском, Дубенском и других районах Мордовской АССР общий настрой населения характеризуется в документах как патриотический, мобилизационный, настроенный на военный лад [14, с. 30–40].

Особый интерес представляет реакция трудящихся, выраженная в поэтической форме. В местной прессе, в заводских многотиражках публиковались произведения читателей. В них, с одной стороны, предельно искреннее выражение эмоций, вызванных речью И.В. Сталина, с другой – опосредованный призыв к интенсивному труду. Такая, несколько отличная от зафиксированной в отчетах партийных функционеров, форма реакции трудящихся с высокой степенью достоверности отражает роль сталинского призыва в процессе мотивации труда.

Например, в газете «Горьковская коммуна» в стихах М. Шестерикова «Мы победим» были следующие строки:

Везде достанем, где бы ни залег,
Мы даже на луне б его достали,
Единство нашего народа, Сталин –
Победы сокрушительный залог [3, с. 2].

В газете «Красный Сормович» 26 июля были опубликованы такие стихи (без авторства):

Товарищ Сталин третьего июля
По радио призвал народ к борьбе,
Слова вождя, как разрывная пуля,
Пробили брешь во вражеской броне [12, с. 2].

Примечательно, что сталинское выступление 3 июля 1941 г. было настолько ожидаемым и необходимым, настолько позитивно было воспринято большинством трудящихся, что его оценка не изменилась и по прошествии десятилетий. Житель Йошкар-Олы Т.Ф. Мороз вспоминает: «Выступление И. Сталина 3 июля поставило все на свои места. Он прямо сказал, что над страной нависла серьезная опасность, правдиво охарактеризовал положение. Он прямо сказал, что враг силен и коварен. Война будет тяжелая и длительная. Поставил перед народом задачи… Он сказал, что советский народ ведет справедливую войну, защищая свою Родину» [15, с. 9].

Тем не менее влияние образа И.В. Сталина на общество не всегда было конструктивным, поскольку во многом передавалось и трансформировалось в общественном сознании с помощью одной из базисных человеческих эмоций (наряду с радостью и гневом) – эмоции страха [11, с. 225]. Страх оказаться среди осужденных (морально или юридически) за неприятие советской модели развития общества имел как позитивный, так и негативный потенциал мотивации к труду [22]. Его трансформация во многом зависела от личностных аспектов восприятия власти. Например, говоря о реакции тылового населения на выступление И.В. Сталина 3 июля 1941 г., нельзя не сказать и о неприятии его призывов частью населения. Так, в Ичалковском районе Мордовской АССР член ВКП (б) Мишина после выступления заявила соседке: «пусть тов. Сталин сам пойдет с коммунистами воевать» [14, с. 30]. Как правило, подобные высказывания отражали отношение их авторов не непосредственно к И.В. Сталину, а к советскому (колхозному) строю в целом. Это также подтверждает суждение о прямом соотнесении образа И.В. Сталина с проводимой им политикой и сущностью Советского государства.

В условиях напряженного труда для человека было очень важным знать хотя бы приблизительные сроки проявления результатов этого труда, приближения победы. Ожидание победы или хотя бы позитивных изменений на фронте не могло быть бесконечным. Власть прибегала для этого к некоторым психологическим методам информационного воздействия. Например, осенью – зимой 1941–1942 гг. многократно и в разной форме транслировались слова И.В. Сталина, произнесенные на параде 7 ноября 1941 г.: «Нет сомнения, что Германия не может выдержать долго такого напряжения. Еще несколько месяцев, еще полгода, может быть, годик, – и гитлеровская Германия должна лопнуть под тяжестью своих преступлений» [21, с. 36]. Кроме желания вселить уверенность в окончательной победе, обращает на себя внимание и определение сроков ее достижения. Во-первых, они определены достаточно четко: минимум несколько месяцев, максимум – год. Во-вторых, руководитель государства оставляет за собой право на определенную погрешность, ошибку в расчетах – он говорит *может быть*, что было совершенно не случайно. Более точное определение сроков окончания войны могло вызвать недоверие слушателей и отторжение всей позитивной информации вообще. В-третьих, очень характерно применение уменьшительного суффикса *-ик* в определении срока поражения Германии. Слова *год* и *годик* воспринимаются человеком по-разному. «Годик» звучит как меньшая по протяженности временная характеристика, вызывая в сознании слушателя эффект ничтожности срока.

Информация о положении на фронте не случайно была одной из самых ожидаемых в тылу: именно она позволяла хоть как-то прогнозировать степень опасности и определять

направленность поведения. Учитывая высокий потенциал влияния этой информации на сознание населения, власть в начальный период войны «дозировала и фильтровала» информацию о неудачном ходе боевых действий. Основная смысловая нагрузка информационных сообщений этого периода – снизить тревогу и ощущение неизбежности поражения, которыми потенциально могли «заразиться» трудящиеся тыловых регионов. Это объясняет отсутствие в официальных сводках начального периода войны исчерпывающей информации о положении на фронте. Наиболее характерные публикации и радиопередачи этого периода имели общую направленность, которую передает поговорка «Не так страшен черт, как его малюют». При этом в подобного рода публикациях приводилась ссылка на выступление И.В. Сталина 6 ноября 1941 г.: «Враг не так силен, как его изображают некоторые перепуганные интеллигентики» [4].

Коренной перелом в войне привел к изменениям в мотивации трудовой деятельности рабочих и колхозников. Эти изменения носили в основном конструктивный характер, связанный с усилением позитивных настроений, вызванных победами на фронте и приближением окончания войны. Помимо этого, долговременное моральное и физическое напряжение рано или поздно должно было дать о себе знать и выразиться в некоторых деструктивных формах. Ощущение близости победы активизировало специфическую реакцию человеческого организма, вызванную чрезмерной усталостью: желание элементарного отдыха. Люди, отдававшие многое во имя интересов государства, все больше начинали обращать внимание на свои личные, в том числе бытовые проблемы. В этом существовала определенная опасность для государства, о которой предупреждал И.В. Сталин 23 февраля 1943 г. Говоря об успехах на фронте, он призвал к недопущению «благодушия, беспечности и зазнайства» [21, с. 87], к которым могли привести результаты первых побед. Ссылаясь на Ленина, лидер государства сформулировал главный «рецепт» достижения главной цели: «Первое дело – не увлекаться победой и не кичиться, второе дело – закрепить за собой победу, третье – добить противника» [Там же].

На основании данных, приведенных в настоящей статье, а также опираясь на работы коллег, можно утверждать, что в наиболее сложный период войны отношение к образу И.В. Сталина со стороны гражданского населения явилось не только ободряющим, стабилизирующим фактором, но и побудительным стимулом к защите Родины, к ратному и трудовому подвигу. Очень интересны в этом отношении слова, сказанные перед панихидой по И.В. Сталину в патриаршем соборе в день его похорон 9 марта 1953 г. патриархом Алексием: «Великого Вождя нашего народа, Иосифа Виссарионовича Сталина, не стало. Упразднилась сила великая, нравственная, общественная сила, *в которой народ наш ощущал собственную силу*, *которою он руководился в своих созидательных трудах и предприятиях*, которою он утешался в течение многих лет» [6, с. 3].

Список литературы

1. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Т. I. От прошлого к будущему. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997.
2. Верт А. Россия в войне 1941–1945. М.: Эксмо, 2003.
3. Горьковская коммуна. 1941. 25 июня.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6903. Оп. 12. Д. 7. Л. 12.
5. Государственный архив социально-политической истории Кировской области (ГАСПИКО). Ф. 1290. Оп. 7. Д. 44. Л. 67.
6. Журнал Московской Патриархии. 1953. № 4.
7. Забвению не подлежит: Страницы Нижегородской истории (1941–1945 годы). Книга третья. Н. Новгород: Волго-Вят. кн. изд-во, 1995.
8. Земсков В.Н. Сталин и народ. Почему не было восстания. М.: Алгоритм, 2014.
9. Зиновьев А.А. Сталин – нашей юности полет. М.: Эксмо, 2002.
10. Киршин Ю.Я. Великая Победа: благодаря или вопреки сталинизму? (Уроки для демократической России). М. (б.и.), 2006.
11. Колесов Д.В. И.В. Сталин: Право на власть. М.: Флинта, 2000.
12. Красный Сормович. 1941. 26 июля.
13. Мерцалов А., Мерцалова Л. Сталинизм и война. М.: Терра-Книжный клуб, 1998.
14. Мордовия. 1941–1945: сб. документов / подгот. ЦГА и ЦДНИ РМ. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1995.
15. Мороз Т.Ф. Воспоминания // В боях отстояли отчизну свою…: Воспоминания участников Великой Отечественной войны и тружеников тыла / авт.-сост. П.В. Воеводский // Педагогическая инициатива. Йошкар-Ола; 2005. С. 8–14.

16. Мусорина О.А., Алешина Е.Ю., Кочетова Е.В. Язык как способ воздействия властей на массовое сознание в советские годы (на примере пензенского региона). Пенза (б.и.), 2005.

17. Мы выстояли и победили // Материалы Международной конференции, посвященной 60-летию Победы советского народа над фашистской Германией и милитаристской Японией / под общ. ред. проф. В.С. Порохни. Смоленск: Смядынь, 2005.

18. Невежин В.А. Сталин о войне. Застольные речи 1933–1945 гг. М.: Яуза: Эксмо, 2007.

19. Поляков Ю.А. Почему мы победили? О массовом сознании в годы войны // Свободная мысль. 1994. № 11. С. 62–76.

20. Смолененкова В.В. Риторика Сталина военного времени. Приказ № 70 [Электронный ресурс]. URL: http://genhis.philol.msu.ru/article_105.shtml (дата обращения: 24.01.2015).

21. Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. Горький: Горьковское обл. изд-во, 1943.

22. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история советской России в 30-е годы: город / пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2001.

23. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 2435. Оп. 5. Д. 111. Л. 29.

24. Черепанов В.В. Власть и война. Сталинский механизм государственного управления в Великой Отечественной войне. М.: Известия, 2006.

25. Шекунова Л.В. Сталинские маргиналии как исторический источник // Власть и общество в России. XX век: сб. науч. тр. / под ред. В.П. Попова и др. / МПГУ, ТГТУ. М. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 1999. С. 171–180.

* * *

1. Ahiezer A.S. Rossija: kritika istoricheskogo opyta (Sociokul'turnaja dinamika Rossii). T. I. Ot proshlogo k budushhemu. Novosibirsk: Sibirskij hronograf, 1997.

2. Vert A. Rossija v vojne 1941–1945. M.: Jeksmo, 2003.

3. Gor'kovskaja kommuna. 1941. 25 ijunja.

4. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF). F. 6903. Op. 12. D. 7. L. 12.

5. Gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii Kirovskoj oblasti (GASPIKO). F. 1290. Op. 7. D. 44. L. 67

6. Zhurnal Moskovskoj Patriarhii. 1953. № 4.

7. Zabveniju ne podlezhit: Stranicy Nizhegorodskoj istorii (1941–1945 gody). Kniga tret'ja. N. Novgorod: Volgo-Vjatskoe kn. izd-vo, 1995.

8. Zemskov V.N. Stalin i narod. Pochemu ne bylo vosstanija. M.: Algoritm, 2014.

9. Zinov'ev A.A. Stalin – nashej junosti polet. M.: Jeksmo, 2002.

10. Kirshin Ju.Ja. Velikaja Pobeda: blagodarja ili vopreki stalinizmu? (Uroki dlja demokraticheskoj Rossii). M. (b.i.), 2006.

11. Kolesov D.V. I.V. Stalin: Pravo na vlast'. M.: Flinta, 2000.

12. Krasnyj Sormovich. 1941. 26 ijulja.

13. Mercalov A., Mercalova L. Stalinizm i vojna. M.: Terra-Knizhnyj klub, 1998.

14. Mordovija. 1941–1945: sb. dokumentov / podgot. CGA i CDNI RM. Saransk: Mordov. kn. izd-vo, 1995.

15. Moroz T.F. Vospominanija // V bojah otstojali otchiznu svoju…: Vospominanija uchastnikov Velikoj Otechestvennoj vojny i truzhenikov tyla / avt.-sost. P.V. Voevodskij. // Pedagogicheskaja iniciativa. Joshkar-Ola; 2005. S. 8–14.

16. Musorina O.A., Aleshina E.Ju., Kochetova E.V. Jazyk kak sposob vozdejstvija vlastej na massovoe soznanie v sovetskie gody (na primere penzenskogo regiona). Penza (b.i.), 2005.

17. My vystojali i pobedili // Materialy Mezhdunarodnoj konferencii, posvjashhennoj 60-letiju Pobedy sovetskogo naroda nad fashistskoj Germaniej i militaristskoj Japoniej / pod obshh. red. prof. V.S. Porohni. Smolensk: Smjadyn', 2005.

18. Nevezhin V.A. Stalin o vojne. Zastol'nye rechi 1933–1945 gg. M.: Jauza: Jeksmo, 2007.

19. Poljakov Ju.A. Pochemu my pobedili? O massovom soznanii v gody vojny // Svobodnaja mysl'. 1994. № 11. S. 62–76.

20. Smolenenkova V.V. Ritorika Stalina voennogo vremeni. Prikaz № 70 [Jelektronnyj resurs]. URL: http://genhis.philol.msu.ru/article_105.shtml (data obrashhenija: 24.01.2015).

21. Stalin I.V. O Velikoj Otechestvennoj vojne Sovetskogo Sojuza. Gor'kij: Gor'kovskoe obl. izd-vo, 1943.

22. Ficpatrik Sh. Povsednevnyj stalinizm. Social'naja istorija sovetskoj Rossii v 30-e gody: gorod / per. s angl. M.: ROSSPJeN, 2001.

23. Central'nyj arhiv Nizhegorodskoj oblasti (CANO). F. 2435. Op. 5. D. 111. L. 29.

24. Cherepanov V.V. Vlast' i vojna. Stalinskij mehanizm gosudarstvennogo upravlenija v Velikoj Otechestvennoj vojne. M.: Izvestija, 2006.

25. Shekunova L.V. Stalinskie marginalii kak istoricheskij istochnik // Vlast' i obshhestvo v Rossii. HH vek: sb. nauch. tr. / pod red. V.P. Popova i dr. / MPGU, TGTU. M.–Tambov: Izd-vo Tamb. gos. tehn. un-ta, 1999. S. 171–180.

I.V. Stalin's speeches and labour motivation in the period of the Great Patriotic War

There is considered the influence of I.V. Stalin's speeches in the first period of the Great Patriotic War on workers' general mood, labour motivation and attitude to the war.

Key words: *the Great Patriotic War, labour motivation, I.V. Stalin.*